

УДК 930"18"

**НАУЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ И ИХ РОЛЬ
В СТАНОВЛЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
КАК НАУКИ В РОССИИ (30–60 гг. XIX в.)**

Н.С. Кореева

Аннотация

В немецких университетах, являвшихся в 30–60 гг. XIX в. центрами просвещения, прошли «подготовку к профессорскому званию» такие известные специалисты по всеобщей истории, как М.С. Куторга, Д.Л. Крюков, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев, В.С. Ешевский, В.И. Герье и др. Автор исследует работу, проводимую за границей командированными за «золотым руном европейской науки», и показывает, как лекции и занятия у немецких историков и философов, доступ к литературе и источникам позволили российским ученым включиться в разработку методологии науки и начать собственные исследования по всеобщей истории.

В условиях стремительного накопления научных знаний в европейских странах в XIX веке заграничные командировки российских ученых стали неотъемлемой частью академической структуры науки и преподавания в университетах России, без которых вряд ли было бы возможно их дальнейшее полноценное существование и развитие. В современной историографии отмечается возрастание интереса к коммуникативным практикам, и в частности к ученым командировкам, рассматривается подготовка российской профессуры за рубежом¹, показано, что заграничные командировки были не только способом профессиональной подготовки российских историков, но и являлись фактором созревания историка-профессионала в рамках научных школ проблемной историографии².

Центрами обучения, куда направлялся основной поток желающих добыть «золотое руно европейского просвещения» (определение В.В. Григорьева) в 30–60 годы XIX века, являлись немецкие университеты, ставшие, по определению В.И. Герье, «колыбелью исторической науки». В первое время командировки носили исключительно образовательный характер и представляли собой необходимый этап для «приготовления к профессорскому званию», но со време-

¹ См.: Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. – М., 1996; Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования: в 4 кн. – М., 1998–2001; Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. – М., 2005; Трохимовский А.Ю. Заграничные командировки ученых Московского университета в 1856–1881 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007 и др.

² См.: Летяев В.А. Восприятие римского наследия российской наукой XIX – начала XX в. – Волгоград, 2002. – С. 29–34; Мяжков Г.П. 1) «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. – Казань, 1988. – С. 66–67; 2) Заграничные командировки как фактор формирования исторической науки в России // Культура исторической памяти. – Петрозаводск, 2002. – С. 115–121 и др.

нем цели поездок расширились, и будущие преподаватели всеобщей истории знакомились с системой образования и методикой исследований, решали свои научные задачи по изучению зарубежной истории. Эта подвижка определялась рядом факторов, и уместно задаться вопросом: чем она была вызвана личностными качествами командированных, уровнем подготовленности перед поездкой, влиянием российского или немецкого университетского учителя?

Командировки первых российских специалистов по всеобщей истории М.С. Куторги, Д.Л. Крюкова и М.М. Лунина приходятся на начало 1830-х годов. Эти историки были отобраны как лучшие студенты для Профессорского института в Дерпте, после окончания которого будущие профессора отправлялись в двухгодичную командировку за границу, преимущественно в Берлинский университет. Прагматической задачей этой поездки было собирание фактических материалов для будущих лекций, которые они будут читать в российских университетах. В общем-то, целесообразность поездок начинающих российских специалистов по всеобщей истории в Европу понятна: где же, как не в странах Европы, можно узнать об истории этих стран! Трудность изучения этой истории в России заключалась в скудности литературы, и тем более источников. В Берлине командированные слушали Л. Ранке, Ф. Раумера, А. Бёка и др., занимались в библиотеках, по мере возможности приобретали книги. По возвращении в Россию М.С. Куторга приступил к работе в Петербургском университете и стал первым российским исследователем античности; Д.Л. Крюков, являясь по своей специальности филологом, начал преподавать в Московском университете римскую словесность, а также читать лекции по древней истории; М.М. Лунин был направлен преподавать всеобщую историю в Харьковский университет, где, по словам В.П. Бузескула, «харьковский Грановский» показал себя как «истый питомец немецкой школы»¹.

После упразднения Профессорского института Министерство народного просвещения продолжило практику командировок молодых ученых за границу, осуществляя это через Главный педагогический институт, наделенный правом отправлять своих лучших воспитанников за границу. Так, в 1836 году была командирована в Берлинский университет группа из восьми человек, в состав которой вошел М.И. Касторский. После двухлетней командировки он был определен в Петербургский университет адъюнктом по кафедре всеобщей истории, однако, не оставляя и своей филологической специальности, параллельно работал на кафедре русской словесности, изучал славянские языки и древности, которыми, стоит заметить, начал заниматься еще за рубежом.

В 1836 году попечитель Московского университета С.Г. Строганов обратился с предложением к министру народного просвещения С.С. Уварову отправить в командировку выпускника Петербургского университета Т.Н. Грановского, который бы, пройдя подготовку за рубежом, взял на себя преподавание всеобщей истории в Московском университете, которое на тот момент осталось без лектора². Основные занятия Грановского прошли в Берлинском уни-

¹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX века. – Л., 1929. – Ч. 1. – С. 89.

² Кафедра всеобщей истории освободилась в связи с уходом с нее М.П. Погодина на отделившуюся кафедру русской истории (по Уставу 1835 г.).

верситете, где он посещал лекции К. Риттера, Ф. Раумера, Ф. Савиньи, был покорен талантом Л. Ранке. Именно в Германии Грановский увлекся философией, понял и оценил ее значение для ученого. Он ходил на лекции к Э. Гансу, К. Вердеру, взялся за более глубокое изучение трудов Гегеля. Годы, проведенные Грановским в Берлине, оказали большое влияние на становление его мировоззрения, исторических взглядов и идей. Вернувшись в Россию, по его словам, «другим человеком»¹, он вступил на кафедру Московского университета и стал первым в истории российского исторического знания медиевистом и, по высказыванию В.П. Бузескула, «миссионером западной науки».

В 1842 году Министерство народного просвещения предложило всем университетам выбрать лучших выпускников и командировать их за счет собственных средств. Откликнулись только Московский и Петербургский университеты. Среди отобранных одиннадцати молодых ученых был выпускник Московского университета, ученик Т.Н. Грановского П.Н. Кудрявцев. Выехав в 1845 году за границу, он стал единственным из командированных в 40-е годы, кто занимался за рубежом подготовкой к преподаванию всеобщей истории. Согласно полученной инструкции, он должен был пробыть четыре семестра в Берлинском университете, однако, заручившись согласием С.Г. Строганова, Кудрявцев провёл там только два семестра, а потом отправился в Гейдельбергский университет². Желая в полной мере воспользоваться «сокровищами» европейских университетов и библиотек, Кудрявцев ходатайствовал о продлении командировки еще на год, но удовлетворительного ответа не получил и вернулся в 1847 году в Россию. С осени 1847 года П.Н. Кудрявцев начал чтение своего первого курса.

Как отмечают исследователи жизни и деятельности Кудрявцева, материал для собственных лекций был им собран из «блестящих лекций Грановского» и во время пребывания за границей³. Грановский и Кудрявцев имели много общего в своей подготовке по всеобщей истории. Ученик внимал своему учителю и совершил поездку за границу практически по его же стопам, но взгляды по ряду вопросов, например о будущем развитии исторической науки, у них были противоположными. Грановский был сторонником привлечения в исторические исследования методов естественных наук, Кудрявцев же был противником этого. Он также возражал Грановскому по вопросу освещения в истории роли личности⁴. Противоречия взглядов учителя и ученика объясняются, по всей видимости, тем, что они были учениками разных учителей, у которых они учились в немецких университетах. На формирование их взглядов мог повлиять и неодинаковый подбор литературы, который был ими сделан за рубежом.

В 1850-е годы⁵ обозначилась тенденция направлять за границу уже имеющих ученую степень специалистов и молодых преподавателей. Были отправле-

¹ Т.Н. Грановский – Карлу Вердеру от 4 октября 1843 г. // Т.Н. Грановский и его переписка. – М., 1897. – С. 440.

² См.: П.Н. Кудрявцев – Т.Н. Грановскому. Берлин, 1845. 3 ноября / Из неизданной переписки русских медиевистов 40–50-х годов XIX в. // Средние века. – М., 1960. – Вып. 17. – С. 416–417.

³ См.: Из архива П.Н. Кудрявцева. Публикация С.А. Асиновской // Средние века. – М., 1963. – Вып. 24. – С. 303.

⁴ См.: Романова И.И. Исторические взгляды П.Н. Кудрявцева // Историографический сб. – Воронеж, 1960. – Т. LIII, Вып. 2. – С. 65, 72.

⁵ После революционных событий в Германии в 1848 году Россия прервала практику учебных стажировок за рубежом вплоть до 1856 года.

ны уже защитившиеся и ставшие адъюнктами М.М. Стасюлевич (Петербургский университет), М.Н. Петров (Харьковский университет) и С.В. Ешевский (Московский университет). На начало 1860-х годов приходятся командировки магистров В.В. Бауера (Петербургский университет) и В.И. Герье (Московский университет).

Несмотря на то что предписанная всем названным историкам цель занятий была практически одна: «приготовить себя к преподаванию всеобщей истории», – она начала дополняться новыми задачами. Командируемые ставили их перед собой по собственному усмотрению, что не возбранялось. Так, например, С.В. Ешевский уделил большое внимание, по определению К.Н. Бестужева-Рюмина, «педагогическому вопросу» – устройству европейских учебных заведений. Этот вопрос сам ученый признавал очень важным, поскольку в России «все расшаталось в университете и гимназии»¹. Ешевский возвратился в Россию с богатым запасом сведений, полный надежд и планов, которым помешала осуществиться его ранняя смерть.

Целью поездки за рубеж магистра В.И. Герье, ставшего сначала коллегой С.В. Ешевского, а потом преемником по кафедре всеобщей истории Московского университета, было составление курса собственных лекций и ознакомление с постановкой преподавания исторических наук за рубежом. Но в это время Министерством народного просвещения уже перед всеми командированными «профессорскими кандидатами» ставилась и вторая задача – изучать практику преподавания в европейских учебных заведениях². В отчетах В.И. Герье, составленных им за границей³, четко вырисовывается идеал преподавателя, который сформировался у историка в ходе посещения лекций и занятий немецких преподавателей. По его мнению, преподаватель помимо того, что должен быть хорошим лектором, должен иметь «свой собственный взгляд», опираться на «результаты своих трудов», ссылаться на мнение других ученых, а также привносить в свои лекции «увлеченность наукой», которая, по замечанию Герье, всегда положительно влияет на молодые умы⁴.

Особую роль в подготовке Герье-преподавателя сыграли «семинарии», проводимые Р. Кёпке, учеником Л. Ранке, работавшим в Гейдельбергском университете. Из работы в семинаре Кёпке, писал Герье, он вынес «более всего»⁵. Это были «исторические упражнения» в доме самого профессора, где он со своими учениками разбирал летописи X века⁶. Приняв участие в занятиях, Герье оценил эффективность «семинариев» для овладения критическим методом, по возвращении в Россию он начал их практиковать. Введение семинарских занятий в российскую образовательную систему началось после прохождения молодыми русскими учеными «семинариев» у Л. Ранке и его учеников. Один из первых опытов семинарских занятий предпринял в конце 40-х годов М.С. Ку-

¹ С.В. Ешевский – К.Н. Бестужеву-Рюмину [1859] – цит. по: *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский. – СПб, 1882. – С. 326.

² См.: *Соболева Е.В.* Организация науки в пореформенный период. – Л., 1983. – С. 221.

³ См.: Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – Ч. 117. – С. 244–253; 1863. – Ч. 119. – С. 422–427; 1864. – Ч. 121. – С. 273–284. (Далее – ЖМНП).

⁴ См.: ЖМНП. – 1863. – Ч. 119. – С. 422.

⁵ Герье В.И. Воспоминания // История и историки. – М., 1990. – С. 427.

⁶ ЖМНП. – 1863. – Ч. 117. – С. 247.

торга в Петербургском университете, а в конце 60-х годов XIX века – В.И. Герье в Московском. Но если первый проводил их только у себя на дому, то второй начал проводить их и дома, и в университете, создавая тем самым основания для укрепления подобной формы обучения в высшей школе. На «семинариях» Герье начал поднимать проблемы источниковедения. Ученый считал, что на исторический источник оказывает влияние не только эпоха и составитель, но и историк, взявшийся его исследовать¹. К последнему у Герье были особые требования: «только глубоко нравственная... личность достойна истолковывать и объяснять... образы прошедшего»². Таким образом, Герье определил два условия для успешного развития науки – «знакомство с историческим материалом и собственное развитие»³, а в нашем понимании это источниковедение и историография, которую, по мнению Д.А. Цыганкова, В.И. Герье отождествлял с философией истории⁴.

Рассуждая о науке всеобщей истории, В.И. Герье не раз повторял, что со времен Т.Н. Грановского, продолжателем традиций которого он считал и себя, русское образованное общество включилось в общенаучные и общечеловеческие интересы⁵. Преподаватели всеобщей истории стали в России в XIX веке проводниками достижений западноевропейской научной мысли, основоположниками ряда новых традиций в российском образовании, а В.И. Герье – основателем «русской исторической школы». На долю В.И. Герье выпала возможность работы с источниками в европейских архивах (а не только в библиотеках и музеях, где обычно занимались его предшественники) и создание первого отечественного исследования по новой истории. Его монография «Отношение Лейбница к России и Петру Великому» стала первой русской работой по новой истории, переведенной на немецкий язык и изданной за рубежом (Лейпциг, 1873).

Зарубежные поездки, в ходе которых была возможность познакомиться с различными европейскими университетами, лекциями и трудами европейских историков, получить доступ к зарубежным источникам позволили российским исследователям всеобщей истории в течение 30-60-х годов XIX века пройти стадию «ученичества» и пополнить ряды мирового ученого сообщества, начавшего в XIX веке активно заниматься разработкой проблем источниковедения, историографии и методологии науки.

Summary

N.S. Koreyeva. International Scientific Travels and Their Role in the Formation of General History as a Science in Russia (1830–1860s).

In 1830–1860s, German universities were centers of Enlightenment. Well-known specialists in general history, such as M.S. Kutorga, D.L. Kriukov, T.N. Granovsky, P.N. Kudryavtsev, V.S. Eshevsky, V. Guerrier and others, attained academic degrees in German universities. The author examines the work done abroad by scientists on mission for “the Golden

¹ См.: Герье В.И. Очерк развития исторической науки // Рус. вестн. – 1865. – Т. 60. – С. 68.

² Там же. – С. 69.

³ Там же.

⁴ См.: Цыганков Д.А. В.И. Герье и историческая наука второй половины XIX века в Московском университете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/geriet.htm>.

⁵ См.: Тридцатилетие ученой деятельности В.И. Герье // Ист. обозрение. – 1892. – Т. 4. – С. 298.

Fleece of the European science”. It is shown that German historians’ and philosophers’ lectures and seminars, access to literature and different sources have enabled Russian scientists to be involved in the development of the methodology of science and start their own research on general history.

Поступила в редакцию
07.10.07

Кореева Наталья Сергеевна – соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.